

Право

УДК 343.26

EDN: LGKLDH

Профилактический потенциал социального уголовно-правового контроля, осуществляемого с использованием средств цифровизации

Т.П. АФОНЧЕНКО

Использование цифровых (электронных) средств имеет тенденцию к расширению во всех социально значимых сферах современной действительности. Не являются исключением и применяемые публичными институтами инструменты уголовно-правового и общепрофилактического воздействия. Более того, тотальная цифровизация позволяет расширить возможности превенции, обладая широким объективным потенциалом в связи с использованием многообразных вариантов фото- и видеофиксации, значительно расширившимися возможностями хранения массивов информации, в том числе с перспективой использования цифровых следов в сравнительных исследованиях. Не стоит исключать и субъективные факторы, касающиеся осознания индивидом того факта, что он находится в практически постоянном сегменте видеонаблюдения и восприятия указанного факта как безусловно дисциплинирующего.

Ключевые слова: социальный контроль, уголовно-правовое воздействие, социальные цифровые технологии, профилактика, предупреждение.

The use of digital tools tends to expand in all socially significant areas of modern reality. The instruments of criminal-legal and general preventive influence used by public institutions are no exception. Moreover, total digitalization allows for the expansion of prevention capabilities, possessing a broad objective potential in connection with the use of various options for photo and video recording, significantly expanded capabilities for storing arrays of information, including the prospect of using digital traces in comparative studies. We should not exclude subjective factors related to the individual's awareness of the fact that they are in a practically constant segment of video surveillance and the perception of this fact as an absolutely disciplining one.

Keywords: social control, criminal law impact, social digital technologies, prevention, warning.

Введение. Как и любое социальное явление, информатизация (цифровизация) и виртуализация повседневности связывается как с позитивными проявлениями и возможностью достижения более высокого уровня личного и общественного блага (как материального, так и лишенного монетизации), так и с негативными факторами влияния на общество и индивида. К числу последних можно отнести ставшие частью современной повседневности дискретность мышления, сужение спектра восприятия значимой информации только до визуальных каналов, зависимость от социальных сетей, стремление к публичной манифестации искаженного социального статуса (в основном посредством лжедемонстрации более высокого уровня материального успеха, карьерных и личных достижений), утрата персональных данных и иных видов охраняемой законом информации, информационное насилие вплоть до цифрового экстремизма и терроризма. Виртуализация раскрывает масштабный потенциал расширения и дифференциации контакта, в том числе для лиц с социальной депривацией, но одновременно снижает жесткость внутреннего самоконтроля, создавая иллюзию бесконтрольности и безнаказанности, генерируя феномен осознанного диссоциативного расстройства идентичности, когда в цифровом сегменте социума можно сконструировать аватар, никнейм (или выступать как ноунейм) и использовать не характерный в объективной реальности поведенческий тип, в том числе имеющий деструктивные и асоциальные проявления. Интернет-пространство превращается в экспериментальный полигон для тестирования вариантов взаимодействия и психологической разгрузки, неприемлемых для данного индивида ранее. В то же время потенциальный потребитель цифровых (информационных) услуг благодаря их высокой практической и прагматической ценности во всех областях современной действительности

тельности без сколько-нибудь адекватных рефлексий начинает активное функционирование и взаимодействие в виртуальном пространстве, оставляя без внимания потенциальные угрозы своим интересам, а также интересам своих близких. В подобных условиях задача государства в лице публичных институтов, включая правоохранительную сферу, – это контроль за поведением индивидов и социальных групп в виртуальной среде и переориентирование векторов использования цифровых ресурсов в направлении общественной пользы с тем, чтобы преимущества и положительный эффект имели преобладающее значение над отрицательными проявлениями. Подобное утверждение находится в дискурсе основных социальных ценностей современного белорусского государства. Согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь, человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Кроме того, государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин, в свою очередь, ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией страны [1]. Цифровое развитие определено как национальный приоритет в рамках программных национальных актов, в частности, в положениях Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. [2].

Основная часть. Инновационный технологический цифровой (электронный) уклад определил введение в научный оборот целого ряда терминов, один из которых – это технологический суверенитет. Технологический суверенитет – понятие относительно новое, связанное с инновационными вызовами и стремительным развитием цифровой (информационной) среды. В подобном контексте технологический суверенитет предполагает в первую очередь охрану информации о научно-технических достижениях и методах их использования, в том числе в целях обеспечения национальной безопасности. В то же время технологии – категория более широкая, давно вышедшая за границы непосредственно технического прогресса и уклада, включая политические технологии, технологии правотворчества, технологии управления организацией и обществом. В каждом из названных контекстов технологический суверенитет не является самоцелью, выступая в большей степени средством обеспечения суверенитета социального как возможности организовать эффективное управление социумом, что, в свою очередь, ставит вопросы не только юридического, но и философского характера на протяжении всего периода существования государственности. Понимание суверенитета государственного как категории всеобъемлющей также вышло за пределы классического наполнения, воплощая известную степень свободы во всех социальных сферах, в том числе в рамках принятия и реализации значимых управленческих решений. В подобном ключе категории управления и контроля выступают в качестве явлений тождественного порядка, нацеленных, с одной стороны, на обеспечение гарантированной свободы в обществе, на упорядочение сложных взаимодействий между индивидами, а с другой стороны, создавая легитимную поддержку в процессе самореализации каждого в пределах его личной свободы. Обеспечение личной свободы и гарантий ее реализации, в свою очередь, имманентно декларируется на конституционном уровне любого суверенного государства.

Каждое из государств для целей обеспечения максимально возможного суверенитета во всех его смыслах использует вариативный инструментарий, не последнее место в наборе средств которого отводится мерам уголовно-правового воздействия. Социальный контроль в самой общей, глобальной форме есть ни что иное, как инструмент организации и обеспечения эффективного менеджмента на уровне общественных процессов, поддержания уже достигнутого уровня развития, а если говорить об уголовно-правовом социальном контроле, то последний выступает как рычаг обеспечения и гарантии ожидаемого уровня правопорядка, отвечая за управленческий сегмент охраны декларируемых публичной властью прав и свобод отдельного индивида, социальных общностей, интересов юридических лиц, а также общества в целом. Степень влияния социального контроля и его результативность во многом зависит от того, насколько верно избран масштаб (объем) и средства воздействия на ту или иную однородную социальную группу с учетом исповедуемых данной группой интересов. Посредством надлежащим образом настроенного механизма социального контроля и непосредственно благодаря ему общество приобретает черты эффективной и автономно саморегулирующейся системы.

Современный социально-правовой ландшафт отражает присущую обществу ориентированность на удовлетворение самого широкого круга благ и интересов, поскольку закрытие базовых потребностей большинства населения осуществляется сравнительно просто (в сопоставлении с аналогичным уровнем жизни среднестатистического большинства населения в контексте исторического среза) и осуществимо реально на достаточно высоком уровне качества существования. Классическая иерархическая модель потребностей человека в качестве основания пирамиды рассматривает слой физиологических (материальных) потребностей, удовлетворение которых аккумулирует потенциал для реализации иных уровней потребностей (в большей степени психологического и эмоционального наполнения) [3]. Однако в условиях ускорившегося информационного обмена и популярности виртуального продукта традиционные материальные достижения теряют в глазах новых поколений свою базовую значимость и позиции фетиша занимают иные ценности – разнообразные событийные эмоциональные переживания и психологическое удовлетворение от ощущения собственной значимости, популярности и востребованности, интенсивное внимание и одобрение со стороны значительного количества пользователей социальных сетей и мессенджеров. Ж. Бодрийяр в XX в., внедрив в научный оборот категорию так называемых «симулякров», обратил внимание на феномен утраты в обществе потребления истинного утилитарного смысла вещей и подмены его (истинного смысла) их символическими (мифическими) свойствами [4]. Иными словами, важно продемонстрировать широко и публично собственную значимость посредством неких условно ценных символов, что в условиях информационно-коммуникативной среды оказывается несложным. Демонстративный тип личности приобретает с точки зрения криминологии новый аспект виктимности, поскольку становится легкой мишенью и жертвой для правонарушителя, а также способен пренебречь собственной безопасностью и охраняемыми интересами окружающих в угоду сиюминутной популярности. В подобных условиях актуальность социального контроля только усиливается.

Виртуальность отражает несколько искаженную проекцию реальной действительности, однако, в то же время, очевидно, что по своей сути преступные проявления – не что иное, как социальный конфликт, в основе которого лежит взаимодействие нескольких субъектов. Нельзя также отрицать, что в абсолютном количественном выражении динамика преступности находится в прямой пропорциональной зависимости как от абсолютной численности населения, так и от интенсивности межличностного или группового взаимодействия. Цифровая среда, упрощая общение и расширяя его границы, перманентно продуцируя новые инфоповоды, провоцирует тем самым социальные конфликты, часть из которых развивается вплоть до девиантных форматов. Нивелировать негативные сопутствующие факторы цифровизации возможно посредством расширения использования информационно-коммуникативных технологий для достижения общественного блага, одним из проявлений которого является требуемый (ожидаемый) уровень правопорядка. Использование потенциала информационно-коммуникационных технологий в целях контроля объективной действительности в национальном правовом сегменте получило нормативное закрепление достаточно давно. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» [5] предусматривается, в частности, в целях принятия дополнительных мер по обеспечению общественного порядка, создание в Республике Беларусь системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, состоящей из средств системы видеонаблюдения, каналов связи, используемых для передачи зафиксированной информации, оборудования, используемого для приема, обработки и хранения зафиксированной информации, и иного оборудования, используемого для обеспечения функционирования системы видеонаблюдения.

На основании данного Указа постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1164 устанавливаются критерии отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности:

1. Отнесение к объектам, представляющим повышенную техногенную и экологическую опасность, условно уязвимым в диверсионном отношении, в том числе осуществляющим

хранение и (или) эксплуатацию радионуклидных источников соответствующей категории по степени радиационной опасности.

2. Размещение на объекте стационарных торговых объектов, в том числе объектов общественного питания; зрелищных объектов, дискотек, культурно-развлекательных (ночных) клубов; учреждений образования, организаций здравоохранения, туристических объектов; физкультурно-спортивных сооружений с предусмотренной вместимостью 100 и более мест; гостиниц, общежитий, объектов придорожного сервиса.

3. Использование автомобильной дороги для въезда в г. Минск, административные центры областей и районов, города областного и районного подчинения и выезда из них.

4. Необходимость обеспечения общественной безопасности на объектах метрополитена, автомобильного, железнодорожного, водного и воздушного транспорта (аэропорты, вокзалы, станции, стоянки, посадочные платформы, вестибюли, тоннели, пешеходные путепроводы).

5. Отнесение объекта к рекомендованным местам для проведения массовых мероприятий, определенным местными исполнительными и распорядительными органами.

6. Возможность единовременного массового пребывания в общественных, административных зданиях, сооружениях, зонах отдыха, парках, скверах, на городских площадях и бульварах 100 и более человек [6].

Кроме того, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 разработаны технические требования к системам безопасности и системам видеонаблюдения, в том числе к средствам, используемым при их создании (модернизации). Регламентация требований осуществляется весьма детально. Так, например, согласно п. 9 названного нормативного акта, видеокамеры наружного размещения оснащаются антивандальным куполом и (или) термокожухом из материала с низкой теплопроводностью с антикоррозийным покрытием и экраном, защищающим от солнечного излучения, атмосферных осадков и низкой температуры, морозостойкими эластичными уплотнителями, нагревателями термокожуха, системой ликвидации запотевания защитного стекла и предотвращения образования конденсата в защитном корпусе, козырьком над стеклом термокожуха и, как правило, скрытой подводкой кабелей [7].

В то же время, следует отметить, что виртуальная информационная составляющая действительности является неотъемлемой частью повседневности, а отсутствие доступа к электронным коммуникативным площадкам дестабилизирует не только организационно-экономические и финансовые сферы, но и сопровождается колоссальным личностным психологическим стрессом.

Заключение. В настоящее время степень важности доступа индивида к его цифровым ресурсам – аккаунтам и виртуальному взаимодействию в национальном сегменте уголовно-правового воздействия недооценена, поскольку действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) [8] не содержит мер уголовной ответственности, которые сопровождалась бы, например, ограничениями доступа в Интернет, к гейминговому контенту, в социальные сети и прочими вариантами лишения развлекательной составляющей информационно-коммуникативных технологий.

В указанном контексте новое наполнение могла бы получить такая форма реализации уголовной ответственности, как осуждение несовершеннолетнего с применением мер воспитательного характера, в перечень которых в ст. 117 УК включено ограничение свободы досуга несовершеннолетнего на срок от одного до шести месяцев, заключающееся в возложении на него обязанности соблюдения определенного порядка использования свободного от учебы и работы времени. Суд может предусмотреть запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома в определенное время суток, обязанность являться для регистрации в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего. Дополнение указанного перечня временным запретом использования своих цифровых ресурсов способно, на наш взгляд, оказать на несовершеннолетнего эффективное воспитательное воздействие.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. [Электронный ресурс] : принята на республик. реф. 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февр. 2021 г., № 66 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
3. Маслоу, А. Теория человеческой мотивации / А. Маслоу ; пер. С. А. Четвертакова // Реконструкция теории Маслоу. – СПб. : Алтейя, 2013. – 576 с.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция : ориг. изд. 1981 / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печенкина. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
5. О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 28 ноября 2013 г., № 527 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
6. О критериях отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 декабря 2013 г., № 1164 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
7. Об утверждении Положения о применении систем безопасности и систем видеонаблюдения [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 11 декабря 2012 г., № 1135 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 4 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 17.02.2025 г., № 61-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 05.06.2025